

Введение

Всякий взявшийся писать в наши дни книгу о викингах на русском языке сталкивается с непреодолимым противоречием — отчасти общемировым, отчасти сугубо отечественным, вытекающим из особенностей российской истории и российской общественной и научной мысли.

В начале 1980-х годов, когда автор этих строк только начинал заниматься историей Скандинавии эпохи викингов, все обстояло сравнительно просто. Количество научных книг, посвященных викингам, не превышало числа пальцев на одной руке, а в отечественной официальной и массовой культуре они практически отсутствовали. Не было и в помине того ажиотажа, который окружает само слово «викинг» в наши дни. Не бродили по улицам и не сидели в чатах и на интернет-форумах многотысячные армии всеведущих специалистов, способных противопоставить друг другу пару прочитанных популярных книг и сослаться на авторитетное мнение

А. Н. Кирпичникова по поводу конструкции какого-нибудь предмета скандинавского вооружения. Не существовала еще в природе почти столь же многочисленная армия «эрилей» и рунологов, с легкостью рассуждающих о тонкостях рунической мантики и тайном смысле знаков футарка.

В западной, евроатлантической — не только скандинавской — традиции дело обстояло иначе. Эпоха викингов, ставшая краеугольным камнем общескандинавской идентичности и весьма прочно укоренившаяся в культурах родственных или связанных исторически со Скандинавией стран, уже к концу XIX столетия стала одной из наиболее популярных тем как научных изысканий, так и массовой культуры. Разумеется, наиболее авторитетные и солидные научные школы сложились в Северной Европе, однако немецкие, британские, французские и американские исследователи внесли свой существенный вклад в изучение обстоятельств походов викингов, истории Скандинавии и устройства древнескандинавских обществ. С началом массовых раскопок и обнаружением во второй половине XIX — начале XX вв. **значительного количества** уникальных как по исполнению, так и по сохранности, артефактов (предметов вооружения, быта, кораблей и пр.) эпоха викингов перестала быть только «письменным»

историческим периодом. Стало возможным исключительно подробное восстановление повседневной жизни этого времени, как правило, недоступное для большинства эпох и регионов. Скандинавия, ставшая родиной научной археологии, была и остается своего рода археологическим заповедником, в котором эпоха викингов и исследование ее аспектов занимают заслуженное центральное место.

Параллельно с научным осмыслением «тема викингов» получила активное развитие в искусстве и массовой культуре, хотя и с изрядными перекосами. Именно тогда сложилась основная масса мифов и заблуждений, касающихся поведения, внешности, мировосприятия викингов, да и самого этого термина. Пресловутые рогатые шлемы, прочно и «неизвлекаемо», видимо, уже укоренившиеся в сознании обывателя — лишь вершина айсберга мифотворчества и дезинформации, кочующего по умам наших современников и имеющего тенденцию к непрерывному росту. Показательным и одним из самых безобидных примеров этого мифотворчества является 12-метровая статуя Фритьофа Смелого, украшающая холм близ паромной переправы в Вангснесе, посреди Согне-фьорда и воздвигнутая на волне немецкого и норвежского национального

романтизма, возрождения норвежской идентичности в начале XX столетия. В числе атрибутов легендарного героя благополучно сочетаются оружие и аксессуары, отстоящие друг от друга на две с половиной тысячи лет.

Вместе с тем в Скандинавии и за ее пределами расцвела историческая реконструкция эпохи викингов. Она началась еще в 1890-х гг., со строительства реплик только что обнаруженных при раскопках кораблей, и привела в наши дни к возникновению десятков «исторических деревень» викингов, проведению международных фестивалей, призванных демонстрировать массовому зрителю ту самую «оживающую историю», которая столь популярна в последние десятилетия. Несмотря на многочисленные уступки вкусам «массового потребителя», стоит признать, что эта реконструкция, особенно в ее исконном, скандинавском, исполнении, весьма способствует пропаганде исторических реалий и является (наряду с реконструкцией других эпох) эффективным средством общественного воспитания и трансляции традиции.

В России дело обстояло несколько иначе. Практически сразу после Петра Великого история Скандинавских стран оказалась в тени бурно возросшего дерева научной дискуссии норманистов и антинорманистов

[Хлевов 1997]. Суть вопроса заключалась в определении степени участия скандинавов в ранней русской истории и процессе возникновения Древнерусского государства. За без малого три века этот почти всегда крайне политизированный спор породил необозримую литературу и неузнаваемо изменился в смысле набора проблем, аргументов и контраргументов сторон. Автор, несколько самонадеянно, констатировал в начале 1990-х гг. завершение этой дискуссии — однако, как оказалось, конца ей не предвидится. Норманский вопрос имел как позитивное, так и негативное влияние на изучение истории северных стран раннего средневековья в России и Советском Союзе. Негатив заключался в частом сознательном искажении исторических реалий эпохи викингов в угоду политической конъюнктуры и нередко настороженном отношении к данным зарубежной историографии, да и к самим занятиям историей Севера соответствующего времени. Позитив, однако, был в том, что норманская дискуссия, как локомотив, вытягивала за собой в поле научного интереса саму скандинавскую проблематику, требовала перевода, публикации и изучения источников, создания собственной, российской, школы историко-археологической и филологической скандинавистики. На рубеже XIX–XX вв.,

в лице Ф. А. Брауна, К. Ф. Тиандера, Е. А. Рыдзевской, Н. И. Репникова, А. А. Спицына, Б. И. Ярхо, С. А. Свириденко (Свиридовой) и др. эта школа оформилась и заняла достойное место в европейской науке. Обострение идеологического прессинга со стороны государства, с конца 1930-х начавшего новый этап бескомпромиссной борьбы с «норманизмом», лишь незначительно затормозило развитие отечественной скандинавистики, несмотря на прямой запрет ряда направлений исследований (тема готов на юге Восточной Европы) и личные преследования (как это было, например, с В. И. Равдоникасом).

Непосредственно после Великой Отечественной войны оформляется блестящая команда исследователей, составивших славу и гордость скандинавистики в ее разнообразных формах и во многих случаях качественно превзошедших своих северных коллег. Как это возможно? А очень просто. Под качественным превосходством автор подразумевает более ясную степень понимания исторических процессов, успехи в классификации археологических объектов и исторических явлений — то есть в конечном итоге более высокую степень исторической объективности осознания и реконструкции прошлого. Примеров этого немало. Очевидно, в данном случае наложились друг

на друга и «совпали по фазе» объективная добротность марксистского подхода к истории, на котором были воспитаны три поколения отечественных исследователей, и извечная, подмеченная классиком, склонность русских гимназистов править попавшую в их руки карту звездного неба. И править качественно.

Не претендуя на перечисление всего ряда советских исследователей эпохи викингов, упомянем лишь имена А. Я. Гуревича, М. И. Стеблина-Каменского, А. И. Смирницкого и О. А. Смирницкой, Е. А. Мельниковой, Т. Н. Джаксон, А. С. Сванидзе, Л. С. Клейна и группы его учеников из легендарной «ленинградской школы» — в первую очередь, разумеется, Г. С. Лебедева [Лебедев 1985], объективно стяжавшего славу «первого викинга СССР», а также многих других.

Однако исследования эпохи викингов оставались до распада СССР «вещью в себе», своего рода узкоспециальным полем взаимодействия незначительного круга профессионалов. Массового интереса к этому явлению, даже несмотря на некоторое оживление аудитории выходом в советский прокат легендарного фильма 1958 г. «Викинги» с Кирком Дугласом (к нам он пришел в начале лета 1980 г.) и показом блистательного фильма С. Ростоцкого «И на камнях растут деревья»

(1985 г., в прокате в 1987 г.), не наблюдалось. Скачок произошел позже, уже в эпоху «демократических перемен». Несомненно, он был связан в первую очередь с прорывом информационного барьера и массовым усвоением идейных архетипов евроамериканского маскульта, неотъемлемой частью которого были викинги и «все-что-рядом». Однако свою роль сыграла и общая мифологизация общества, утратившего одну идеологию и не получившего другой. Скандинавско-германский мистицизм, раздутый кинематографом и литературой в жанре фэнтези до невероятных масштабов, пришелся более чем ко двору в постперестроечной России. Поскольку собственное «родноверие», в силу состояния источников, опирается обычно на откровенные фантазмагии, тезис «У нас было как у скандинавов, только еще лучше» логически становится одной из основ отечественного неоязычества. Накопившаяся тяга к западному средневековью как культурной эпохе, по которой вечно тоскует Россия, недополучившая в свое время рыцарства, куртуазности и крестовых походов, затянула в свою орбиту и эпоху викингов, которую основная масса интересующихся с трудом отделяет от классического средневековья. Но главную роль, безусловно, играет голливудский видеоряд, исключительно успешно и непрерывно

эксплуатирующий образы, навеянные эпохой викингов, но зачастую искаженные до полной неузнаваемости — зато легко «опознаваемые» современными потребителями. В этом смысле «давление» в культурах сравнивалось, и российская культурная ситуация в части представлений о викингах принципиально мало отличается от европейской, американской и, возможно, даже от японской.

Все это, разумеется, не отменяет существования как современной отечественной и зарубежной науки о викингах, так и здоровой ветви массового интереса и исторической реконструкции. Вопрос, как и обычно, в отделении истинной информации от ложной. Отчасти для решения этой проблемы и написана эта книга.

Уникальность эпохи викингов заключена, как ни странно, в первую очередь в нашей неординарной осведомленности касательно мельчайших подробностей жизни людей того времени. Дойди до нас иной, более непрезентабельный, фонд археологических и текстовых источников, — и викинги, несомненно, заняли бы свое скромное место среди прочих исторических, канувших в прошлое, сообществ. Однако, в силу сочетания многих факторов — особенностей ландшафта и климата, ценностных установок общества, собственных и заимствованных от соседей

традиций, а также, безусловно, откровенных случайностей — мы обладаем удивительно объемным и многоаспектным фондом источников, который к тому же постоянно пополняется. Ясное осознание границ этого фонда, как ничто иное, способствует постижению эпохи и населявших ее обитателей. Понимание того, что мы можем знать о скандинавах эпохи викингов, как и того, что нам пока неизвестно (или никогда не будет известно), и является тем спасательным кругом, который никогда не даст потеряться современному читателю в бурном море исторической фальсификации и недобросовестных спекуляций.

Прежде всего, необходимо помнить, что эпоха викингов, как ее принято называть (то есть период VIII–XI вв.), была своего рода «звездным часом» Скандинавии, когда ее вклад во всемирную историю был исключительно велик и значим. Однако для самой Скандинавии этот период был всего лишь звеном в цепи исторических эпох, не менее интересных и впечатляющих с точки зрения особенностей социальной и культурной жизни, прикладного и монументального искусства, а главное — результатов, оставшихся в культурной памяти человечества. Поэтому эпоха викингов всегда должна рассматриваться на фоне и в контексте соседствующих

с ней, а порой и далеко отстоящих от нее хронологических периодов. Тем более что многие ее архетипы сложились задолго до начала морских походов скандинавов в Европу, а ряд других надолго пережил раннее средневековье. Так, рельефные образы лидеров скандинавского пантеона Тора и Одина, воинственная идеология Севера, блестящие навыки кораблестроения и мореплавания, основные стилистические особенности северного искусства и руническая эпиграфика сформировались задолго (порой за тысячелетия) до первых нападений на берега Британии и Франкской империи. А ритуальные обряды, социальные институты и традиции, технологии и навыки, возникшие в период походов, сохранялись в течение столетий после их окончания, и нередко дожили до наших дней. Поэтому, говоря об эпохе викингов, мы почти всегда имеем в виду *не только* эпоху викингов.

Скандинавы этого периода удивляют нас исключительным вниманием не только к собственному мифологическому и эпическому наследию, но и к нюансам повседневной жизни, сохранившимся в устной традиции, записанной в основном в XII–XIV вв. в Исландии. Это, кстати, как раз пример «счастливой случайности»: основной фонд скандинавского письменного наследия уцелел

и благополучно сохранился в далеком и депрессивном, по современным понятиям, захолустье Европы, на почти безжизненном острове в Северной Атлантике. Исландцы несколько веков передавали из уст в уста, записали, а затем бережно сохранили тексты, которые определяли их идентичность — причем в ту эпоху, когда остальные европейские народы в основном страдали тотальным историческим беспамятством.

В силу тесных генетических и хозяйственных связей с Норвегией исландцы заодно сохранили в своей памяти и значительный кусок ее исторического прошлого, что имеет для нас определяющее значение: Норвегия стала единственной континентальной скандинавской страной, история которой нам известна весьма детально. На этом фоне могущественная и относительно густонаселенная в те годы Дания может похвастать лишь «Деяниями датчан» Саксона Грамматика — текстом, сколь насыщенным, столь же и легендарным в своем содержании. В Швеции дела обстоят еще хуже, поскольку там письменные источники дают сколько-нибудь внятную информацию лишь начиная с XI столетия. До некоторой степени исправляет ситуацию то, что современные государственные границы отсутствовали в ту эпоху в принципе, а сами скандинавы воспринимали свой регион как

вполне единое культурно-историческое пространство — «Северные Страны»; многие события датской и шведской истории благополучно фиксировались норвежцами и исландцами.

И все же необходимо признать, что письменная история эпохи викингов известна нам преимущественно в исландско-норвежском восприятии и трансляции, а источники этого рода, имеющие датское или шведское происхождение, крайне немногочисленны. Это существенно, поскольку норвежское общество ощутимо отличалось от шведского и датского (в первую очередь благодаря разнице ландшафтов), а исландское, судя по всему, вообще не имеет аналогов в европейской и мировой истории. В результате мы сталкиваемся с невозможностью реконструкции многих аспектов культуры континентальной Фенноскандии в силу невозможности «задать вопрос» местным источникам. Частично, но весьма слабо, это компенсируется внешними источниками — например, сообщениями немецких миссионеров, пытавшихся в IX–X вв. распространять христианство среди датских и шведских язычников. Но в основном мы вынуждены опираться на аналогии и экстраполяции, осторожно перенося примеры исландско-норвежского ряда на сопредельные скандинавские территории.

На этом фоне археологическое наследие Севера играет куда меньшую роль при рассмотрении темы, которая заявлена в книге. Памятники Скандинавии исключительно выразительны и, как правило, хорошо сохранились. Известно огромное количество артефактов, связанных практически со всеми сторонами жизни общества и конкретных людей. В ряде случаев в хорошем состоянии до нас доходят органические остатки — дерево, кость, кожа, ткани и т. п., что позволяет детально реконструировать многие нюансы повседневной жизни. В этом смысле материальная сторона жизни скандинавов архаического времени известна нам порой намного лучше, чем быт и повседневность куда более «цивилизованных» и близких нам хронологически обществ. Однако в интересующем нас вопросе — кто такие викинги? — как ни странно, материальные остатки могут помочь лишь в ограниченном ряде случаев. И там, где это необходимо, мы о них, разумеется, вспомним.

1. О термине «викинг»

Одна из самых распространенных ошибок, проникающая порой даже в серьезные научные труды, — определение викингов как народа, племени, этноса. Например, автор, казалось бы, классического труда по истории средневековья — Г. Кёнигсбергер — не моргнув глазом, утверждает, что викингami «обычно называли скандинавов, обитателей Скандинавского полуострова, которые занимались земледелием и рыболовством» [Кёнигсбергер 2001, 42]. В этой фразе ошибочно почти все, поскольку земледелие даже в Дании не являлось основополагающим занятием и явно уступало скотоводству, не говоря уж про более северные области региона. Однако главное в том, что термин «викинг», безусловно, никогда не относился ко всем обитателям Скандинавского полуострова, но, в то же время, мог быть употреблен по отношению ко множеству людей, никогда не проживавших на его территории.

Попробуем с этим разобраться.

По мнению современных исследователей, точное определение источников происхождения слова «викинг» представляет собой практически неразрешимую с точки зрения лингвистики проблему. Общее количество предложенных этимологий приближается к трем десяткам, и этому вопросу посвящена обширная литература. Разумеется, различия между этими теориями зачастую не слишком значительны, и их либо сводят к трем основным группам [Hofstra 2003, 151–155], либо обсуждают сравнительные достоинства и недостатки 5–6 основных версий [Heide 2005, 41–42].

Симптоматично, что за последние полвека круг теорий кардинально не изменился. Большинство историков, археологов и авторов популярных изданий не вдаются в эти тонкости — да и не ставят перед собой такой задачи. Недобросовестные, некомпетентные или же не придающие этому значения авторы, как правило, ограничиваются приведением пары лежащих на поверхности этимологий без какого-либо разбора таковых, выдавая их за единственно допустимые.

Термин «викинг» очень часто, например, связывают с древнесеверным словом *vík* (бухта, залив) — и в этом случае он интерпретируется как «человек, прячущийся / находящийся убежище / обитающий в заливе». При

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru